

УДК 9.94

*Е.Н. Моисеева, А.М. Абидулин***ГЕНДЕРНЫЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ ПЬЕРА ЛОТИ «АЗИАДЕ»:
ИМПЕРСКИЕ ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА**

Большинство европейцев, живших в XIX веке, не имея возможности личных контактов с восточными народами, осуществляли эти контакты опосредованно, с помощью художественной литературы. Мир Востока проникал в массовое сознание в доступной и яркой форме. Если серьёзные аналитические статьи, посвящённые колониальным проблемам, читали немногие, то художественная литература привлекала большое число читателей и в этой связи являлась одним из каналов выражения имперской идеологии, влияла на социальные представления людей. В данном исследовании мы используем термин «социальные представления» в качестве синонима «обыденного знания». Анализ художественной литературы, описывающей «чужую» культуру необходим для осмысления проблемы формирования имперского обыденного знания, иными словами социальных представлений о неевропейском мире.

Ключевые слова: Пьер Лоти, образ чужой культуры, «Азиаде», образ восточной женщины, европейское общество, восточное общество.

Формирование образа чужой культуры особенно успешно шло через такие «простые» и доступные каждому человеку понятия как любовь и дружба. Роман, в котором описывались любовные приключения европейца на Востоке, был обречен на успех. Интерес к Востоку вписывался в общий климат настроений, царивших во французском обществе в конце XIX в. Это и увлечение мистикой, восточными религиями, и философией Шопенгауэра, музыкой Вагнера и, наконец, экзотикой восточного мира.

Во Франции на рубеже веков романы Пьера Лоти (1850–1923) пользовались большой популярностью у публики. Они утоляли потребность общества в экзотике, мечте о дальних странах. Современники Лоти ставили ему в заслугу тот факт, что он открыл простым людям мир дальних стран. Многие исследователи второй половины XX в. напротив упрекают Лоти в его чрезмерном пристрастии к экзотике, в том, что его романы – это сентиментальный ширпотреб, способный удовлетворить лишь вкусы обывательской публики. Французские исследователи в работах, посвящённых произведениям Лоти в большинстве случаев применительно к его романам, употребляют термин «экзотический роман». Ролан Лебель называл Лоти «самым большим представителем французского экзотизма в конце XIX – начале XX вв.» [6. Р. 71].

Цель данного исследования – выявить особенности восприятия Пьером Лоти чужой культуры, в данном случае турецкой, и её отражения на страницах его романа «Азиаде». Каким видел Лоти европейца, оказавшегося на чужой земле? Как, по мнению писателя, складывались взаимоотношения западного мира с миром Востока, западного мужчины с туземной женщиной? Любовная интрига на Востоке – основной сюжет большинства романов Пьера Лоти. Интересно рассмотреть взгляды Лоти на характер отношений между белым мужчиной и туземной женщиной. Во всех произведениях главным, на мой взгляд, для писателя был вопрос, могла ли существовать любовь между белым мужчиной и туземной женщиной? Лоти отправлял своего героя то в Турцию, то в Сенегал, то в Японию, и каждый раз пытался разобраться в этом. Ответы на поставленные вопросы интересны с точки зрения изучения представлений не только самого П. Лоти (представления о чужом должны рассматриваться одновременно с представлениями о самом себе), но и стереотипов, которые складывались в его читательской аудитории.

В силу популярности романов Лоти, его представления о Востоке можно рассматривать как часть социальных представлений Франции конца XIX в.

Пьер Лоти (настоящее имя Луи Мари Жюльен Вио) родился 14 января 1850 г. в протестантской семье в Рошфоре – небольшом приморском городке на западе Франции. Ребёнок жил в портовом городе, и все его родные и близкие рассказывали ему о далёких странах. Все исследователи творчества П. Лоти признают, что детство оказало большое влияние на его карьеру, творчество. Старший брат Жюльена Густав служил в морском флоте врачом, служба его проходила в тихоокеанских морях, письма оттуда домой с красочным описанием океанских просторов и чудесных островов, населённых странными народами поражали воображение Жюльена. Смерть брата на борту корабля укрепила ре-

шение пятнадцатилетнего Жюльена Вио связать свою жизнь с морским флотом, своими глазами увидеть дальние страны и народы.

В 1866 г. он прошёл в Рошфоре подготовительные курсы для поступления в Морскую школу. Но после провала Жюльен отправился в Париж, чтобы снова готовиться к конкурсу, на этот раз в Лицее Наполеона (в настоящее время Лицей Генриха IV). Поступив в Морскую школу в 1867 г., он уже на следующий год совершил своё первое путешествие вдоль берегов Бретани и Нормандии на борту «Бугенвиль». В качестве кандидата в офицеры 2 класса Жюльен Вио на учебном судне «Жан-Бар» в 1869-1870 гг. прошёл вдоль берегов Северной Африки, пересёк Атлантический океан. Так началась военная карьера Жюльена Вио. Смерть отца в 1870 г., оставившего семью в долгах, отчасти мотивировала решение Вио заняться ещё и журналистикой. Таким образом, с молодых лет Лоти выбрал себе два поприща, одинаково важных и значимых для него – это карьера морского офицера и занятие литературным творчеством. Около 40 лет провёл Лоти во флоте, из них около двадцати в дальних плаваниях, участвовал во франко-прусской и первой мировой войнах, в колониальных экспедициях. Славу и известность принесли Лоти его романы, автобиографические в своей основе.

За свою тридцатилетнюю творческую жизнь Лоти написал более 40 томов. Все наиболее известные произведения созданы в 1880 – 90 гг. Лоти – автор множества описаний путешествий и путевых заметок («Галилея» 1895, «Видение Востока» 1892, «Индия без англичан» 1903, «Последние дни Пекина» 1890, «В Марокко» 1890 и др.), ряда сентиментальных рассказов о маленьких повседневных человеческих драмах («Песня старых супругов» 1898, и др.). Наиболее популярная часть литературного наследия Лоти – романы, повествующие о любовных приключениях европейца в различных уголках земного шара и рисующие жизнь французских моряков и солдат колониальных войск («Азиаде» 1879, «Брак Лоти – Рараю» 1880, «Госпожа Хризантема» 1887, «Три дамы из Казбаха» 1882, «Роман одного спаги» 1881, «Мой брат Ив» 1883 др.).

Популярность Лоти создал уже первый его роман «Азиаде», опубликованный вначале в Стамбуле в 1876 – 1877 гг., а затем в Париже в издательском доме Кальман-Леви (Calman-Levi). Автор романа о трогательной любви флотского офицера к турчанке не указал своего имени. Издатель опубликовал в газете «Le Temps» довольно лестный отклик на изданное произведение. «Под названием «Азиаде» только что вышел в издательстве Кальман-Леви роман, достойный внимания утончённой публики, к которой он обращается. Автор, решивший сохранить анонимность, переносит нас на Восток. Его книга – это восхитительная идиллия, в которой среди романтических событий читатель найдёт тёплые и яркие описания, картины, полные неожиданности и оригинальности, трогательные сцены любви, пылкость, зажигающая чувства, полноту жизни, которые притягивают и покоряют» [4]. Успех воодушевил Лоти на дальнейшее творчество. Спустя некоторое время, он послал в издательство (снова анонимно) рукопись своего нового романа «Брак Лоти – Рараю». Имя Лоти стало псевдонимом Жюльена Вио, под эти именем его узнала публика.

25 марта 1880 г. Лоти встречался с А. Доде. В своём дневнике Лоти писал: «Он говорит, что на протяжении пятнадцати последних лет, ничего не видел во французской литературе, что стоило бы «Брака Лоти – Рараю»» [10. Р. 69]. Анатолий Франс в 1911 г. в Кальман-Леви – издательском доме, ставшим родным для Пьера Лоти, заявил: «Вы видите, Лоти не имеет никакой способности к мышлению, но это учитель для всех нас» [5. Р. 12]. Действительно, Лоти не был «интеллектуалом», как мы сказали бы сегодня. Он почти не был знаком с современной литературой. По мнению критиков, это невежество пошло ему на пользу. Оно позволило Лоти рисковать на литературном поприще. Лёгкость и непосредственность стиля Лоти, сентиментальность, умение запечатлеть на бумаге мгновенно ускользающие впечатления от увиденного, привлекали к его произведениям всё больше и больше читателей. Один из самых крупных литературных критиков конца XIX в. Жюль Лёмэтр признавался: «Самые великие шедевры литературы никогда не волновали меня так. Романы Лоти увлекают меня ... больше, чем драма Шекспира, трагедия Расина, роман Бальзака» [7. Р. 92].

Критики признают за Лоти незаурядное мастерство стилиста, «которое он использовал для создания живописных картин природы, быта и нравов. Но Лоти ограничивался при этом лишь передачей беглого впечатления, эмоционально воспринятого ощущения, приближаясь к манере импрессионистов... Как правило, он давал подчеркнуто эстетизированное изображение отдельных элементов быта, нравов, сосредотачивая внимание читателей на наиболее живописных сторонах иноземной культуры» [2. С. 457], – так охарактеризованы произведения Пьера Лоти отечественными литературоведами.

Тема Востока, как нельзя более стереотипизирована в западной европейской мысли и Пьер Лоти не исключение. Но нельзя упрекать Лоти в том, что он использовал в своих произведениях общепринятые штампы и даже банальности, описывая восточные обычаи, образ жизни. Автор, выбравший Восток в качестве места действия своего романа, рано или поздно столкнётся со всевозможными штампами, клише, банальностями.

Стереотипы воплощают в себе единообразное отношение к объекту. Стереотипизация возникает тогда, когда при сравнении двух культур или социальных групп различия трактуют как полярные противоположности, это упрощенный способ репрезентации Другого: несколько характеристик «сплющиваются» в один, весьма упрощенный, образ, который и призван репрезентировать сущность всей группы. При этом имеет место гомогенизация Другого, который представлен как нечто однородное. Стереотипы, характеризуются схематичностью и могут выступать в знаковой форме, например в виде устойчивых выражений («высшая» раса, «низшая» раса). Наряду с расовыми стереотипами гендерные стереотипы заставляли писателя мужчин изображать сильными, а женщин – слабыми, ведомыми, зависимыми. Определяемое как мужское (Западная цивилизация) помещается в центр и рассматривается в качестве позитивного и доминирующего; определяемое как женское (Восток) – в качестве периферийного и неполноценного. Использование феминного дискурса при описании Востока (в ходу были такие выражения, как «особое очарование Востока», «восточная беспечность») формировало у читателя соответствующий образ Востока, как ведомого, зависимого, починенного.

Стержнем имперской идеологии было убеждение в превосходстве белого человека над остальными человеческими существами. Идея европоцентризма, главенствующая в западной культурной традиции с её спутницей – идеей однолинейного прогресса, препятствовали адекватному восприятию чужой культуры. Разные цивилизации, отличавшиеся друг от друга по критериям внутренней динамичности и отношению к внешнему миру, ставились на единую ступень лестницы прогресса, вершиной которой была западная цивилизация.

Европеец в романах Лоти имел все атрибуты превосходства. Последнее было двойным, основанным на расовом и гендерном неравенстве. Особенно наглядно чувство превосходства проявлялось в межличностных отношениях. Европеец как представитель западной цивилизации действовал по отношению к туземцам, следуя определенной логике, соотнося свои действия со сложившимся еще на родине имперским мировоззрением и гендерными стереотипами патриархального происхождения.

В романе «Азиаде» дервиш Хасан-Эффанди в разговоре с главным героем английским морским офицером Лоти признавался ему: «Ты необыкновенный юноша, и всё, что ты делаешь – странно! Ты уже побывал во всех уголках пяти частей света, ты обладаешь большими знаниями, чем наши улемы: ты знаешь всё, и ты всё видел. Тебе 20 лет, может быть 22, но человеческая жизнь не вместились бы в твоё чудесное прошлое... Я рад, что вы решили жить среди нас» [8. Р. 342].

Местные женщины с восхищением смотрели на Лоти. Прогуливаясь по Стамбулу, он повстречал трёх дам из султанского гарема в окружении евнухов. Самая красивая из них послала ему улыбку. «Она была очарована моей дерзостью (отвагой)» [8. Р. 184]. Убеждение европейца в своем безусловном превосходстве порождало высокомерие. Будь он самым последним неудачником у себя на родине, на Востоке он мог чувствовать себя господином, хозяином. Имперское сознание определяло имперское поведение.

Европеец, описывая туземцев, часто сравнивал их с животными, например с собакой. Собака – символ верности. Её удел слушаться, не стремясь понимать. Её цель – всюду следовать за хозяином. Когда мы читаем о взаимоотношениях главного героя романа с жителем Салоник Самуэлем, мы видим, что это взаимоотношения не равных людей, а скорее человека с собакой. Лоти говорит, что приобрел себе друга Самуэля, который на протяжении всего романа следует за ним, выполняя поручения, главным из которых становится организация любовных свиданий Лоти с турчанкой Азиаде. «Его личность словно растворилась в моей... Он готов защищать мою жизнь ценой собственной жизни» [8. Р. 22], – писал Лоти о Самуэле. «Самуэль был счастлив и горд, когда мы позвали его за наш стол» [8. Р. 25]. Другой «друг», он же слуга Лоти Ахмед также безумно привязался к Лоти. Когда пришло время расставания, Ахмед сказал Лоти: «Когда ты женишься и станешь богатым, приезжай, отыщи меня, я буду и там твоим слугой. Ты не будешь мне платить больше того, чем ты платишь мне в Стамбуле, но я буду рядом с тобой, и это всё, о чём я прошу» [8. Р. 166].

Необходимо отметить, что степень сближения европейцев и туземцев в разных сообществах была разной. Редко, чтобы в Чёрной Африке европейцы водились с чёрными «дикарями», тогда как в

исламских странах такое было возможно. Это было связано с тем, что степень отсталости разных народов была разной. Если мужчины тропической Африки предстают в романах Лоти «геркулесами», которые «дивно сложены, но физиономии у них, как у горилл» [3. С. 184], то в отношении турецких мужчин таких резких высказываний нет. Превосходство превосходству рознь.

Как представитель европейской цивилизации Лоти воспринял многие мифы, сложившиеся в западной культуре. Среди них миф о народах-детях, о народах без истории. Алэн Руссио заметил, что изучение европейцами «примитивных» обществ привело к установлению «параллели между путешествием в пространстве и путешествием во времени» [11. Р. 56]. Европейские общества XIX – XX вв. представлялись как единственная цель, к которой должны приближаться все общества. Европейские народы являлись «взрослыми» народами; все остальные – народами-детьми, на различных стадиях эволюции. «Трудно решить, пишет Лоти, – кто в большей степени ребенок, Ахмед, Азиаде, или Самюэль» [8. Р. 180]. «Однако я любил моего бедного Самюэля; я говорил ему, как говорят детям, что еще вернусь...» [8. Р. 241].

Лоти постоянно подчёркивал пропасть между европейскими и неевропейскими народами.

Писатель не раз вкладывал в уста своих туземных героев слова, в которых те признавали своё подчинённое положение. Истинное их отношение к европейцам Лоти не знал или не хотел знать. Другой является немой; он лишен права иметь собственный голос и быть самим собой, он может говорить только так, как это позволено господствующим дискурсом. Речи и действия литературных персонажей по замыслу автора должны были оправдать ожидания аудитории и соответствовать представлениям, чувствам, фантазиям читателей. «Для Ахмеда я был непонятным существом, как шайтан» [8. Р. 108], – размышлял Лоти. А вот, что думала о себе и о Лоти Азиаде: «Я лишь маленькая бедная девочка, которая не может тебя понять. Я обожаю тебя» [8. Р. 109]. Лоти одевался по-турецки, взял себе имя Ариф-Эффенди и говорил с ней на её родном языке, тем не менее, оставался для неё человеком, явившимся из фантастического мира. Герой романа, рассказывая о своей стране, выделял в ней намеренно всё самое непривычное для своих слушателей, начиная с климата и заканчивая манерой европейцев одеваться. «Наши дома все похожи один на другой... Все ходят в униформе: серое пальто, шляпа или кепка... Для всех существуют одни и те же законы, будь ты продавец конфет, парикмахер или образованный человек» [8. Р. 282].

Лоти постоянно писал о пропасти между миром Запада и миром Востока. В результате этой «пропасти» понять восточные традиции европейцу не представлялось возможным. Рассказывая о спектакле театра Карагёз, Лоти был удивлен тому, что родители вели детей на представление, «от которого в Англии покраснел бы даже страж порядка» [8. Р. 71].

Странным для Лоти было чрезмерное суеверие «примитивных» народов. С иронией Лоти рассказывал о страхе Азиаде и Ахмеда перед лунным затмением. Все попытки объяснить, как это происходит, не увенчались успехом, так как они не верили, что Земля круглая. «Турки любят прошлое, неподвижность, стагнацию» [8. Р. 119], – считал Лоти, а вслед за ним и его читатели.

Не менее странной, чем первобытный страх, была для европейцев непривычная турецкая музыка и танцы. «Песни, которые пела Азиаде длинные, монотонные, построенные на странном ритме, с невозможными интервалами и грустным финалом Востока» [8. Р. 109]. Лоти охарактеризовал турецкую танцевальную музыку «*приступами душераздирающего веселья*» [8. Р. 246]. (курсив П. Лоти). «Душераздирающий шум этой музыки» сопровождал не менее «странные» танцы, которые Лоти назвал «сумасшествием» [8. Р. 247]. Танцами турки выражали и радость и горе. Азиаде, прощаясь с Лоти, танцевала для него. Ахмед также станцевал для Лоти, при этом разбил стекло и пальцы в кровь. Лоти считал, что так шумно, с кровью турки всегда переживают какое-либо горе [8. Р. 266], в данном случае расставание с Лоти.

Лоти был убеждён, что никакая сила не могла разрушить «непроницаемую стену», разделявшую европейские и неевропейские народы. На фоне этого непонимания и отчуждённости герой Лоти чувствовал себя одинокими. Свои сокровенные мысли он излагал в письмах на родину сестре и другу. «За всей этой восточной фантазмагорией, которая окружает меня, за Ариф-Эффенди скрывается несчастный парень, который часто чувствует смертельный холод в своем сердце» [8. Р. 82]. Лишь одиночество стало причиной того, что он «привязался к этому босонотому, которого подобрал на набережной в Салониках, Самюэлю». Его общество для Лоти «оригинальное», но не более того. В другом письме он пишет, что счастлив, наблюдая, как смотрят на него «три лица: моя любовница, мой слуга и мой кот». Лоти показывал европейца бесконечно более духовно богатым, более тонко чувст-

вующим, само собой разумеется, более образованным, чем туземцы. Лоти писал, например, своему соотечественнику, что «турки никогда не знают своего возраста» [8. Р. 106].

Пожалуй, все без исключения европейцы приписывали туземцам врождённую лень. Н. А. Ерофеев, изучая восприятие англичанами колонизируемых народов, обратил внимание на роль установки в процессе наблюдения и восприятия. Европейские наблюдатели видели в колонизируемых странах «не столько то, что там действительно было, сколько то, что они предполагали увидеть, ещё не покинув Англии» [1. С. 195]. Именно из Европы привёз Пьер Лоти мнение о врождённой лени туземцев.

«Она ленива, – писал Лоти об Азиаде, – как все женщины, выросшие в Турции» [8. Р. 100]. Азиада рассказывала, как она проводила свои дни в гареме: «Я сидела на диване, курила сигареты или гашиш, играла в карты, вышивала, делал визиты дамам из другого гарема, гуляла» [8. Р. 114]. В стереотипе «турецкие женщины ленивы» понятие турецкая женщина теряло индивидуальную окраску. Была не некая женщина с присущими ей личностными чертами, а турецкая женщина вообще, как определённый тип. Попадая в категорию «турчанка как тип», конкретная турчанка отождествлялась в сознании людей с категорией «все турчанки», а, следовательно, «ленивые», что и побуждало к соответствующему отношению к ней. Следствием лени была, по мнению Лоти, распущенность и легкодоступность турецких женщин. «Праздные, пожираемые скукой, уставшие от одиночества гарема, они (турчанки) способны отдаться первому встречному» [8. Р. 184]. Лоти решил попробовать и пригласил одну из обитательниц султанского гарема к себе. Та явилась сразу же, но Лоти не решился изменить Азиаде.

Миф о доступности туземных женщин, полинезийских, арабских, негритянских или аннамитских получил широкое распространение среди европейцев. Образ, который имперская мысль создала из сексуальности туземных женщин (впрочем, как и туземных самцов) был крайне стереотипизирован. В западном воображении жаркий климат ассоциировался с повышенной сексуальностью. «Горячая маорийская кровь сжигала её», – писал Лоти о четырнадцатилетней Рараю. Страсть Азиаде была такой, что разговаривать Лоти и Азиаде стали лишь через месяц после знакомства. Для многих обладание туземной женщиной было экзотическим экспериментом. Одной из фантазий белого мужчины было обладание на Востоке очень молоденькими девушками. Азиаде было 16 лет, когда она познакомилась с Лоти. Такая ситуация во Франции была бы скандальной, но «На старом Востоке все возможно» [9. Р. 21], – считал Лоти. «За четверть того, что мы вытворяли в Стамбуле, в моей стране мы разговаривали бы уже с комиссаром полиции» [8. Р. 283], – пишет Лоти, имея в виду не только свои любовные подвиги.

Колониальная литература не скупилась на описания «восточной практики». С точки зрения имперского рассудка, мужчина, обладающий туземной женщиной, был вдвойне хозяином. По сравнению с европейской женщиной, туземная женщина всегда подчинялась и слушалась своего хозяина. Считалось, что любви, как впрочем, и дружбы не могло быть, так как отношения равенства, которых требовала любовь и дружба, отсутствовали в подобных связях. Можно было иметь сексуальные отношения и даже жить с туземной женщиной, но признаться в любви к ней было сложно. Лоти боялся произнести слово любовь, говорил, что чувство, «похожее на любовь» [9. Р. 17] рождалось между ним и Азиаде. В то же время туземная женщина в романах Лоти не просто любила белого мужчину, она преклонялась перед ним, как перед высшим существом. «Она смотрела на меня с восторгом» [9. Р. 98], – писал Лоти. В письме сестре Лоти сообщал, что «она любит его всей душой» [9. Р. 103], в то время, как сам ни слова не сказал о своих чувствах. Когда после долгой разлуки Азиаде вновь встретилась с Лоти, она говорила: «Я люблю тебя, Лоти». Лоти же пишет, что сильно желал её [9. Р. 96]. Когда пришло время расстаться, и Лоти должен был вернуться на родину, то для Азиаде расставание было равносильно смерти, она готова была быть просто сестрой, лишь бы быть рядом, но для Лоти это было всего лишь окончанием «восточной мечты». «Возможно, время уничтожит даже воспоминания обо всем» [9. Р. 263], – писал Лоти. Лишь на родине Лоти признался себе, что любит Азиаде и готов жить с ней до старости. Он вернулся в Стамбул, но узнал, что Азиаде уже умерла.

Любовные отношения между белым мужчиной и туземной женщиной, какими бы они ни были, вынужденными, как в «Романе одного спаги», или искренними, как в «Азиаде», считались пагубными, ведущими к несчастью. В основном такие истории заканчивались плохо. Расставание было неизбежным из-за пресловутой «пропасти» между расами и невозможности взаимопонимания. Как только Лоти полюбил Азиаде, он уже начал внушать себе, что эта жизнь не имела будущего. Он не представлял себе совместной старости, в то время как Азиаде часто рисовала ему картины будущей жизни вдвоем. Расставание – необходимый атрибут любого произведения Лоти, в котором описывалась лю-

бовь белого мужчины и туземной женщины. Всем ходом своего повествования Лоти исключал всякую надежду на счастливый союз и дальнейшую жизнь двух людей. Расставаясь с Азиаде, Лоти считал, что сама судьба разъединяла их. В имперском сознании европейца существовала прочная установка: невозможен долговечный союз между совершенно разными людьми, между высшим и низшим. Герои Лоти не искали единства, а напротив, подчеркивали и находили различия, что делало их отношения краткосрочными.

Образ мужественного героя, созданного Лоти, в неевропейских условиях существования приобретал ярко выраженные «силовые черты». Образ белого мужчины в романе – это воплощение творчества, мужества, силы, свободы, власти. В то время как женские образы, а также образы мужчин туземцев – это образы страдания, покорности, слабости, хитрости. Образ «чужого» в контексте имперской ситуации, не важно, был ли этот «чужой» мужчина или женщина, феминизировался. Гендерная дихотомия в имперской ситуации была многократно усилена. Гендерный запрет на «одинаковость» мужчин и женщин оказался помножен на расовый запрет на «равенство». Гендерный дискурс как система репрезентаций, переплелся в романах Лоти с имперским дискурсом, испытывая его влияние и, в свою очередь, определяя его. Власть белого мужчины базировалась на имперской идее и гендерной системе отношений. С точки зрения имперского рассудка, мужчина, обладающий туземной женщиной, был вдвойне хозяином.

Сама планета в воображении белого человека ассоциировалась с женщиной, которую ему предстояло культивировать, цивилизовывать. То есть феминизировался весь неевропейский мир. Европейская цивилизация, как и европейский мужчина маскулинизировалась в социальных представлениях. Отважная, агрессивная, мужественная, властная, она заставляла покоряться и принимать свои правила игры покорную, зависимую, слабую, «женскую» часть планеты.

Одной из особенностей произведений Лоти, были постоянные размышления автора о гибели, о смерти как отдельного человека, так и целой цивилизации. По мнению Лоти, участь всех примитивных народов – исчезнуть под натиском цивилизованных народов. Романы Лоти в основном имеют трагический конец: там описана смерть, по меньшей мере, одного из главных героев. От «пороков» западной цивилизации – чахотки и пьянства погибла юная Рараю, оставленная своим белым любовником. В бою с «чёрными дьяволами» погиб спаги Жан Рейран, а его преданная негритянская любовница Фату-гэ отравила себя и задушила своего ребёнка, рождённого от спаги. В жилах этого ребёнка текла кровь белого человека вперемешку «с нечистой черной кровью». В бою с неверными погиб Ахмед, умерла от тоски по Лоти Азиаде, сам Лоти в романе «Азиаде», приняв имя Ариф-Уссам, сражаясь на стороне турок, погиб в 1877 г.

Отношение писателя к вторжению западной цивилизации в традиционный уклад «примитивных» обществ не было однозначным. Запад нёс с собой разрушение старого патриархального мира. Лоти не сомневался в техническом и интеллектуальном превосходстве западной цивилизации, в отсталости восточных и африканских народов, в их неизбежном исчезновении при столкновении с европейским миром, недооценивал способность Востока к внутренней целостности и стойкости перед негативными факторами Запада. В письме другу от 27 сентября 1876 г. герой романа Лоти писал: «Вот и бедная Турция провозгласила конституцию! Куда мы катимся?.. Все добрые мусульмане считают, что Аллах отвернулся от них, а падишах потерял разум... Турция много потеряет, применив новую систему...» [9. Р. 117-118]. «Несмотря на мое политическое равнодушие все мои симпатии на стороне этой прекрасной страны» [9. Р. 68].

Лоти, осознавая неизбежность происходящих перемен, желал сохранения патриархального мира в том виде, в каком он существовал на протяжении веков. «Я люблю эту восточную жизнь. Я люблю эту страну, и всё здесь меня очаровывает» [9. Р. 268], – признавался Лоти. Сам он старается походить на турка: поселился в квартале, где жили турки, отделал жилище по-турецки, одевался как турок. «Я без сомнения становлюсь турком» [9. Р. 68], – лукавил Лоти. Желание слиться с чужой культурой было скорее внешним, и проявлялось в страсти Лоти к переодеванию в национальные костюмы той страны, которую он посещал, и где ему предстояло какое-то время жить. Он изучал языки туземных народов, в частности турецкий, маорийский. Герои его романов поступали точно также. Однако полного растворения в чужой культуре быть не могло, и Лоти не стремился к этому, показывая в своих романах несходство человеческих рас и невозможность достичь между ними абсолютного взаимопонимания. Лоти и его герои всегда действовали по-европейски, ни на секунду не забывая, что они являются представителями западной цивилизации со всеми вытекающими последствиями.

Было бы ошибкой пытаться искать в произведениях Лоти глубокие размышления. Лоти не имел философской системы и собственной концепции устройства мира и человека. Но он был крайне обеспокоен происходящим в мире столкновением двух миров – западной цивилизации и хрупкого архаического мира Востока и далёких островов. Эта обеспокоенность пронизывает все литературное наследие Лоти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в. Очерки. М.: Наука, 1977. 256 с.
2. История французской литературы. Т. III. 1871 – 1917. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 594 с.
3. Лоти П. Роман одного спаги. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеев, 1901. 315 с.
4. Le Temps. 13. 02. 1879.
5. Buisine A. Tombeau de Loti. Lille: Atelier National. Reproduction des Thèses, Univ. Lille III; diffusion, Paris: Aux Amateurs de Livres, 1988. 430 p.
6. Lebel R. Histoire de la littérature coloniale en France // Revue de l'histoire des colonies françaises. 1931. V. 19. №83. P. 567-570.
7. Lemaitre J. Les Contemporains. Etudes et portraits littéraires. Paris: Librairie H. Leceneet H. Oudin, 1887. 366 p.
8. Loti P. Aziyade. Extrait des notes et lettres d'un lieutenant de la marine anglaise entré au service de la Turquie le 10 mai 1876 tué dans les murs de Kars, le 27 octobre 1877. in Oeuvre completes de P. Loti. T. 1. Paris. Paris: Calmann-Lévy, 1891. 310 p.
9. Loti P. Aziyade. in Oeuvre completes de P. Loti. T. 1. Paris: Calmann-Lévy, 1893.
10. Pierre Loti. Cette éternelle nostalgie. Journal intime 1878-1911. Paris: La Table Ronde. 1997. 588 p.
11. Ruscio A. Le credo de l'homme blanc. Regards coloniaux français, XIXe- XXe siècles // Cahiers d'études africaines. 1998. V. 38. №149. pp. 194-195.
12. Serban N. Pierre Loti Sa Vie Son Oeuvre. Paris: Les Presse francaises, 1924. 372 p.

Поступила в редакцию 23.05.17

E.N. Moiseeva, A.M. Abidulin

GENDER IMAGES IN THE NOVEL OF PIERRE LOTI "AZIYADE": IMPERIAL LOVE AND FRIENDSHIP

Most Europeans, who lived in the XIX century, not having the possibility of personal contacts with the eastern peoples, carried out these contacts indirectly, with the help of fiction. The world of the East penetrated into the mass consciousness in an accessible and vivid form. If serious analytical articles devoted to colonial problems were read by few, then fiction attracted a large number of readers and, in this connection, was one of the channels for expressing imperial ideology, influenced the social ideas of people. In this study, we use the term "social representations" as a synonym for "everyday knowledge". Analysis of fiction describing "alien" culture is necessary for understanding the problem of the formation of imperial everyday knowledge, in other words, social notions about the non-European world.

Keywords: Pierre Loti, the image of foreign culture, "Aziyade", the image of the Eastern woman, European society, Eastern society.

Моисеева Екатерина Николаевна
Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская 1
E-mail: moiseevaen@rambler.ru

Moiseeva E.N.
Saratov State Law Academy
Volskaya st., 1, Saratov, Russia, 410056
E-mail: moiseevaen@rambler.ru

Абидулин Алим Маратович
Нижегородский государственный университет,
Институт международных отношений
и мировой истории
603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2
E-mail: abidulinam@gmail.com

Abidulin A.M.
Institute of International Relations and World History
Nizhni Novgorod State University
Ulyanova st., 2, Nizhni Novgorod, Russia, 603005
E-mail: abidulinam@gmail.com